

# ДИСКУССИЯ

## ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО УКАЗАТЕЛЕЙ ЗАГОВОРОВ

В журнале «Традиционная культура» (2007. № 2. С. 59—73) была опубликована наша статья «Указатели заговоров: проблемы и перспективы». Она была размещена также на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/agarkinatorporkov1.htm>.

Английская версия статьи была представлена нами в виде доклада на международной конференции о заговорах, которая прошла в г. Печь (Венгрия) 11—13 мая 2007 г. (см.: Живая старина. 2008. № 2. С. 64—65), и вызвала оживленную дискуссию.

В статье предлагались проекты создания указателя восточнославянских заговоров и международного указателя заговоров, обосновывались теоретические подходы к проблеме, приводились схемы статей, посвященных отдельным типам заговоров, а также две пробные статьи.

Предлагая одновременно проекты регионального (восточнославянского) и международного (европейского) указателя заговоров, мы, естественно, не имели в виду, что эти проекты могут быть выполнены немедленно. Речь шла об определенной программе научных исследований, предполагающей два основных направления.

1. Организовать широкое обсуждение возможностей составления нового указателя восточнославянских загово-

ров, создание которого вполне реально в ближайшие годы. Результатом такого обсуждения могла бы стать выработка наиболее оптимальной схемы описания, приемлемой для корпуса заговоров русской, украинской и белорусской традиций. Результаты первого обсуждения такого рода предлагаются читателю в настоящей подборке.

2. Организовать международное сотрудничество для изучения заговорных традиций в масштабах Европы или отдельных ее регионов. Такое сотрудничество реально осуществляется в рамках Комиссии по заговорам при Международном обществе изучения фольклорных нарративов. В частности, в мае 2008 г. в Тарту была проведена конференция, посвященная так называемым «encounter charms» («заговорам встречи»). На международной конференции в Афинах, которая пройдет в июне 2009 г., будет организовано обсуждение заговоров типа так называемого 2-го Мерзебургского заговора. По материалам каждой из этих конференций предполагается издание специального сборника, посвященного определенному типу заговоров в разных странах Европы. С информацией о деятельности комиссии можно познакомиться на сайте: <http://www.ut.ee/isfnr/page.php?p=10&cm=15>.

Для того чтобы организовать обсуждение нашего проекта, мы обратились к специалистам с тремя следующими вопросами:

*1. На каком основании может быть произведена группировка и систематизация корпуса заговоров разных европейских традиций?*

2. В какой мере заговорно-заклинательные тексты европейского средневековья могут быть рассмотрены как продолжение традиций древнего Ближнего Востока и поздней античности?

3. В чем заключаются основные различия между магическими традициями Восточной и Западной Европы? Чем объясняются эти различия (влияние православия, католицизма, протестантизма; особенности усвоения культурного наследия древнего мира; особенности фольклорных и литературных традиций и т. д.)?

Хотелось бы отметить, что только первый вопрос относится к проблеме систематизации заговоров, в то время как второй и третий касаются общих проблем изучения истории европейских традиций магического слова.

Ниже публикуются ответы, представленные нам российскими и зарубежными исследователями.

В печати уже появился подробный критический разбор нашего проекта, подготовленный В. Л. Кляусом (см.: [Кляус 2008]). На некоторые замечания нашего оппонента мы отвечаем ниже, в наших собственных ответах на предложенные для обсуждения вопросы.

Следует подчеркнуть, что мы считаем плодотворным и целесообразным обсуждение таких вопросов, которые имеют принципиальное значение для фольклористики, вне зависимости от того, как именно участники дискуссии оценивают наши предложения. К таким актуальным теоретическим вопросам, несомненно, относятся проблемы систематизации фольклора, структурно-функционального, историко-географического и компаративного изучения фольклора.

В заключение выражаем нашу искреннюю признательность всем авторам за высказанные ими критические замечания, пожелания и соображения. Безусловно, мы учтем их при окончательной доработке концепции.

**Т. А. АГАПКИНА,  
А. Л. ТОПОРКОВ**

У. ВАЛК

(Тартуский университет,  
Эстония)

1. Я думаю, что заговоры представляют собой столь разнообразный и текучий материал, что попытка подчинить их все твердой и всеобъемлющей системе международной классификации оказалась бы безуспешной. Полная типология заговоров может быть достигнута как теоретическая модель, как идеальная система, но реальные тексты могут разрушить любые классификации. Однако нет сомнения, что некоторые типы заговоров могут легко быть опознаны в этнических традициях как в широком международном масштабе (такие как некоторые «encounter charms» (заговоры встречи)), так и в определенном регионе (такие как балтийско-финские заговоры от змей). У некоторых типов заговоров есть длинная история, которая может быть филологически документирована. Например, Мерзбургский заговор со словами «кость к кости» канонизирован уже в Атхарваведе (IV: 12), и нет сомнений, что эти две записи генетически связаны в рамках древней индоевропейской магической традиции. «Атхарваведа» предлагает нам очень полезную функциональную классификацию заговоров, состоящую из приблизительно очерченных групп, таких как bhaishajyāni (лечебные заговоры), strīkarmāni (женские заговоры), rājākarmāni (королевские заговоры), angīrasah (заговоры черной магии) и многие другие. Такая система классификации гибка и учитывает практическое использование заговоров; слабость этой системы в том, что некоторые заговоры или магические формулы настолько многофункциональны, что не имеют надлежащего, точного места в классификации и появляются во многих подкатегориях.

Я сомневаюсь, что нормативная типология заговоров может быть когда-нибудь построена, хотя создание индекса типов или мотивов, сравнимого с индексом сказок Аарне—Томпсона—Утера, конечно, стало бы огромным и положительным шагом в международ-

ной науке. Кроме того, структурное исследование заговоров в сравнительной перспективе может дать значимые результаты. Хотелось бы надеяться, что удастся обнаружить несколько основных моделей заговоров, а не только модель «недостача — ликвидация недостатка», которая является, вероятно, одним из фундаментальных оснований белой магии. Различные системы классификации, как аналитические, так и народные, — разработанные самими носителями традиции, — помогают нам отобразить заговоры, увидеть их связи с другими жанрами и понять их социальное использование.

2. Нет сомнений, что существует преемственность между эллинистической магией и европейскими заговорами последних столетий. Удобный пример — палиндром SATOR — AREPO, первая запись которого сохранилась под пеплом Везувия (79 г. н. э.) и который был позже зарегистрирован в ученых и народных традициях во многих странах (SATOR-палиндром — магическая формула, использование которой настолько разнообразно, что служит хорошим примером для того, чтобы показать границы функциональной классификации заговоров). Есть примеры народных рассказов о волшебных превращениях, сначала зарегистрированных в эллинистических источниках, а позднее широко распространенных в международном фольклоре, таких как история любви Купидона и Психеи (ATU 425B), которая была сначала зафиксирована в «Золотом Осле» (IV: 28—VI: 24) Апулея около 100-го г. н. э. Кроме того, мигрирующая легенда о том, как ведьма превращается в птицу, в то время как кто-то тайно наблюдает эту сцену, была записана Апулеем в том же самом романе (III: 21). Если сложные нарративы передаются в фольклоре через тысячелетия, неудивительно, что и простые формы, такие как заговоры, имеют очень долгие истории. Однако следует задать вопрос о том, стоит ли знание, которое мы получаем, доказывая историческую преемственность заговоров, огромных усилий дотошной филологической ра-

боты. Связь между древними и современными традициями веры — факт, который может считаться само собой разумеющимся. Бросая вызов этому утверждению, показывая расхождения в заговорах в разное время, прекращение и возрождение традиций заговоров в тщательном диахроническом исследовании, надо сделать намного больше, чем просто предложить иллюстрацию старых истин. Кроме того, разве не было бы полезнее изучить заговоры и другие формы фольклора в их социальных, религиозных, родовых и культурных контекстах — как в Новое и Новейшее время, так и в средневековье и античный период?

3. Мне кажется, что все хорошие ответы даны в скобках. Религиозный контекст оказывает сильное влияние на все проблемы народной веры и магии, то же делает и распространение грамотности. Однако вопрос относится к куда более широкой проблеме, чем текстовый корпус заговоров определенных регионов. Традиции магии связаны с другими формами культурных практик; они не могут быть отделены от их социального контекста. Например, играют свою роль политическая система, доминирующая идеология и проблема цензуры. Будучи студентом-фольклористом в Университете Тарту в 1980-е гг., я должен был получить специальное разрешение, чтобы в академической библиотеке моей альма-матер прочитать руководство по магии «Das sechste und siebente Buch Mosis» («Шестая и седьмая книги Моисея»). Я не знаю, имелось ли какое-нибудь разумное объяснение того, почему эта книга была сочтена настолько опасной, что была спрятана в «специальный фонд» библиотеки, состоящий из запрещенной литературы. В настоящее время полки книжных магазинов снова богаты книгами по различным темам оккультизма и практическими руководствами по магии. Разумеется, доступность заговоров в печатных источниках напрямую связана с их использованием и распространением в народных магических практиках.

*Пер. с англ. К. А. Топоркова*

Е. В. ВЕЛЬМЕЗОВА  
(Университет Лозанны,  
Швейцария; Россия)

1. Оснований может быть несколько: 1) прежде всего, сами языки, на которых записаны соответствующие тексты (при этом в особую группу попадут заговоры и заклинания — абракадабры). Основная проблема будет состоять в том, что во многих текстах, записанных, например, на пограничье традиций, будет представлено смешение языков, отражающее ситуацию языкового континуума; 2) территории и регионы, в которых были записаны соответствующие тексты. Это основание отчасти дополняет первое, так как в пределах той или иной традиции порой встречаются заговорные тексты на иностранных языках. В данном случае основная проблема состоит в том, что территориальные границы в Европе постоянно менялись, но иногда за основу подобной «географической» систематизации можно брать и современные границы того или иного региона; 3) прагматическая направленность соответствующих текстов; 4) сюжеты и мотивы (опять-таки, с выделением в отдельную группу текстов-абракадабр); 5) основные заговорные концепты; 6) отдельные тексты и их варианты (преломления) в разных традициях, в записях на разных языках. Основных проблем при этом будет две. Во-первых, многие тексты этой классификацией охвачены не будут; во-вторых, неизбежно встанет вопрос о критериях выделения основного текста (прототекста).

3. Таких различий может быть довольно много, поэтому я ограничусь указанием лишь на основные из них — очевидные, например, при сопоставлении русских, украинских, белорусских, чешских и французских заговорных текстов: 1) сама структура и форма текстов: поэзия или проза, протяженность текста (от нескольких фраз-строк до нескольких страниц печатного текста). Очень часто эти различия имеют непосредственное отношение к разным традициям «обработки» (в том числе, и литературной) заговорного материала в

странах Восточной и Западной Европы. А это, в свою очередь, может отсылать к специфическому преломлению тех или иных «литературных» традиций; 2) состав персонажей (в частности, наличие/отсутствие языческого или псевдоязыческого пантеона); 3) семантико-символическое наполнение основных заговорных концептов («пространство», «человек», «цвет» и т. д.); 4) «терпимость» к иноязычию в пределах как традиции в целом (имеется в виду, в том числе, и наличие заговоров-абракадабр, а также их численное соотношение с «обычными» текстами), так и отдельных текстов; 5) соотношение вербальной и акциональной части заговора; 6) наличие специфических ограничений на роль исполнителя заговора; 7) корреляция между текстами «соседних» жанров — например, между текстами, которые отсылают к «заговорам» и/или к «(народным) молитвам» и т. д.; 8) жизнеспособность той или иной традиции: прибегают ли к заговорам и сегодня? И если да — насколько активно?

Все эти различия невозможно, на мой взгляд, объяснить каким-то одним фактором. И особенности фольклорных и литературных традиций, и религиозная ситуация в соответствующем регионе, и исторический контекст, и социальные факторы играют здесь важную роль.

М. В. ЗАВЬЯЛОВА  
(Институт славяноведения РАН,  
Москва)

1. Как вы совершенно справедливо предлагаете, группировка текстов заговоров должна производиться, прежде всего, по функциональному признаку. Однако здесь возможны сложности, связанные с тем, что отдельные «болезни» могут не находить соответствия в других традициях, а иногда (как вы и отмечаете) бывает сложно понять, с каким недугом соотносится тот или иной заговор. В связи с этим предлагаю группировать тексты по более общим названиям болезней (например, кожные болезни, внутренние болезни и т. д.), а внутри этих групп — по более частным.

Так легко можно будет соотнести заговоры разных традиций.

Общая схема, которую вы предлагаете для описания каждого заговора, мне представляется очень удачной. Я бы посоветовала включить пункт «структурный тип заговора» (эпический, диалоговый, заклинательный и т. д.), при этом, конечно, необходимо произвести типологию заговорных текстов, которая была бы приемлема и удобна для всех. Если предполагается электронная форма указателя заговорных текстов, это было бы удобно при поиске заговоров определенного типа. К тому же не могу согласиться, что заговоры определенных типов всегда коррелируют с определенной функциональной направленностью. Например, обратный счет используется в заговорах от очень многих болезней, и такие тексты практически идентичны (во многих традициях). Если не учитывать структурный тип заговора, можно упустить из виду много важной для исследователя информации (здесь, конечно, надо различать структурный тип и сюжет).

Что касается типологии сюжетов, мне кажется, можно использовать схему, разработанную в сборнике «Полесские заговоры», где универсальные сюжеты отделены от частных. Это тоже, по-моему, необходимо учитывать и отмечать в описании заговора.

Для более удобного поиска в электронной базе (если, конечно, она будет создана) можно также выделять ключевые слова каждого текста. Это облегчит пользователю поиск нужных текстов.

2. Поскольку я мало занималась западноевропейской заговорной традицией, могу сказать только на основании отдельных сюжетов, что, несомненно, некоторое продолжение традиций есть. Этот вопрос, на мой взгляд, требует дальнейшего тщательного изучения с привлечением специалистов, изучавших древние заклинательные традиции. Также немалый интерес представляют, по моему мнению, рефлексы текстов Атхарваеды в более поздних индоевропейских традициях (в частности, в балтийской традиции мне их встречалось немало).

3. Не берусь судить о магических традициях Востока и Запады Европы вообще, но на основании тех традиций, с которыми мне приходилось сталкиваться, на заговоры Западной Европы больший отпечаток наложила средневековая традиция, несомненно, связанная с христианством. Западноевропейские (а также западнославянские) тексты структурно тяготеют к довольно краткой диалогической и рифмованной форме и чаще воспроизводят христианские сюжеты. Восточнославянские заговоры (возможно, также отчасти под действием православной традиции) больше развивают пространные эпические сюжеты, в которых христианские мотивы часто оказываются «наложенными» на более ранний мифологический сюжет. Наименьшее, на мой взгляд, влияние христианства отражается в заговорах балтийской традиции, сохранившей множество языческих элементов, следы древнего мифологического мировоззрения, заклинательную структуру. Особенности фольклорных и литературных традиций, несомненно, также играют большую роль, которую необходимо учитывать.

В. Л. КЛЯУС

(Институт мировой литературы  
им. А. М. Горького РАН,  
Москва)

1. При постановке подобной задачи должно учитываться, как минимум, следующее: 1) известный нам заговорный материал европейских народов имеет разновременный характер (от античного периода до начала XXI столетия); 2) в его основе лежат различающиеся (иногда довольно существенно) представления об окружающем мире и человеке; 3) он разный «технологически»: магические рукописи, сводные сборники собирателей (очень часто, между прочим, неизвестно, каким образом ими фиксировался материал), аудиозаписи произнесенных текстов, видеозаписи заговорно-заклинательных актов и проч. Вместе с тем, все же можно говорить о некоторой общности заговорного материала европейских народов (да

собственно, и не только европейских): а) функциональная направленность заговорно-заклинательного акта; б) наличие произносимого текста во время проведения заговорно-заклинательного акта; в) наличие действий (акций) исполнителя (исполнителей) заговорно-заклинательного акта.

Функциональная направленность заговорных текстов зависит как от определенной объективной реальности, так и от представлений мифологического характера. Относительно первого можно заметить, что, к примеру, заговорные тексты от зубной боли есть у всех народов и их можно группировать на функциональном уровне. Относительно второго — к примеру, заговорные тексты «от нежита» существуют на Балканах, в России, и их сложно сопоставлять по функциональному признаку с текстами других европейских традиций. Действия исполнителей заговорно-заклинательного акта фиксировались и фиксируются собирателями редко и порой не полно. Иногда даже «волшебные» тетрадки и магические рукописи дают в этом отношении больше информации. Но при всем этом, лишь видеозаписи реальных или специально организуемых ситуаций исполнения заговорных текстов позволяют в полной мере дать описание акционального ряда обряда. К сожалению, подобного материала пока еще крайне мало. Поэтому, пожалуй, только собственно заговорные тексты и могут быть объектом систематизации разных европейских традиций. Какой уровень текста (образы, мотивы, сюжетика и проч.) может быть базовой единицей группировки для заговорного материала разных европейских традиций — этот вопрос может быть разрешен после общей договоренности о том, что понимать под той или иной дефиницией.

2. Вопрос имеет методологический характер. И касается, прежде всего, общих представлений о развитии и бытовании фольклора и «нефольклора». Если относительно фольклора придерживаются такой позиции, что существует последовательная преемственность в фольклоре, он стадиален, и имеются

тесные фольклорные взаимосвязи между народами, когда любой исторический или псевдоисторический факт о контактах между разными этническими группами или их возможными предками априори является доказательством заимствования и преемственности, то, без сомнения, тексты европейского средневековья могут быть рассмотрены как продолжение традиций древнего Ближнего Востока и поздней античности, что, собственно говоря, и делается многими исследователями. Если же придерживаться иной точки зрения — что творчество в заговорном жанре по определенным типовым формам достаточно активно на всех этапах его бытования (включая современный), что существует проблематичность «перевода» и заимствования при этнических контактах, — тогда на этот вопрос должно ответить скорее отрицательно.

Вместе с тем, необходимо разобраться с природой имеющегося материала. Насколько он вообще фольклорен? Не являются ли дошедшие до нас заговорно-заклинательные тексты европейского средневековья формой «народной литературы»? В этом смысле преемственность текстов европейского средневековья с заговорно-заклинательными традициями древнего Ближнего Востока и поздней античности (последние известны нам, как, впрочем, возможно, и средневековым авторам, по письменным источникам) может иметь место, но эта преемственность уже другого характера и не является собственно предметом фольклористики — науки об устном тексте.

3. Собственно говоря, в самом этом вопросе уже заложен ответ. Различия эти, без сомнения, есть. Я бы, правда, добавил сюда еще один особый регион — Северную Европу. Основные различия, на мой взгляд, заключаются в характере бытования магических традиций: в Западной Европе они в большей степени, чем в Северной и Восточной, имеют письменный характер; большая профессионализация в западноевропейских традициях — вплоть до наличия определенных магических школ и учений; существуют различия также в

функциональной направленности и в сюжетике заговоров. К причинам подобных различий, кроме тех, которые указаны в вопросе, можно добавить также: а) особенности исторического пути и этногенеза народов Восточной, Западной и Северной Европы; б) социокультурные аспекты общественного развития стран данных регионов; в) возможные контакты с разными «неевропейскими» магическими традициями: сибирскими (в самом широком смысле этого слова) влияниями на традиции Восточной и Северной Европы, семитскими, а в последние десятилетия XX века, возможно, также латиноамериканскими и африканскими влияниями на традиции Европы Западной.

### Л. РАДЕНКОВИЧ

(Институт балканистики САНУ,  
Сербия)

1. Указатель сюжетов и мотивов можно формировать для каждого фольклорного жанра, который имеет повествовательную структуру, то есть когда в тексте описывается какое-нибудь событие. Значит, в тексте имеются действующие лица (или одно лицо), само действие, а также указания на его место и время. Многие заговоры организованы таким образом.

Существуют заговоры, особенно у балканских славян, которые имеют структуру народной лирической песни, основанной на параллелизме. Пример:

Прну шарено тиче,  
па стаде на сув пань,  
пань се упали,  
киша удари,  
пань угаси,  
оне дугачке очи затвори.

Полетела пестрая птица,  
спустилась на сухой пень,  
пень загорелся,  
дождь пошел,  
пень погасил,  
те длинные глаза закрыл.  
(От укуса змеи, Раденковић 1982, № 34).

Как можно обозначить такой сюжет в указателе? Может быть, только как

«загорание/угасание». В заговоре не указано, как могла птица зажечь пень. Просто существует поэтическая картина в функции магического параллелизма: «как неожиданно зажегся пень, когда птица спустилась на него, а потом погас, так и состояние человека после укуса змеи (ощущение жжения от яда) вернется в прежнее состояние, как горящий пень после дождя».

Или заговор:

Извела квачка девет пилета,  
на сви' девет крила црвена,  
на сви' девет ноге црвене,  
на сви' девет глава црвена.  
Залете се црн орал,  
те однесе квачку с пилићи.

Вывела насадка девять цыплят,  
У всех девяти крылышки красные,  
У всех девяти ножки красные.  
У всех девяти головушки красные.  
Прилетел черный орел,  
Унес насадку с цыплятами.  
(От краснухи, Раденковић 1982, № 90).

Этот сюжет можно обозначить: «Орел уносит красную насадку с красными цыплятами».

Некоторые заговоры функционируют на основе подтекста, который не вполне очевиден в конкретных текстах. Например, такие сербские заговоры от укуса змеи, где появляются «добрый человек и злая жена»:

Рогобора<sup>1</sup> вечера,  
рогобојена постельа;  
не по ради зле жене,  
но по ради добра човека.  
Земља земљу пољубила,  
крач, крач, ржен колач покрива.

Колучий (?) ужин,  
колочая (?) постель,  
не ради злой женщины,  
но ради доброго человека.  
Земля землю поцеловала,  
крач, крач(?), ржаной калач покрывает  
(От укуса змеи, Раденковић 1982, № 10).

Подтекст этого заговора — легендарное сказание о том, что добрый человек пускает нищих ночевать в своем доме,

<sup>1</sup> *Рогобор* серб. — растение *Ruscus aculeatus* L.

не зная, что они святые. Его злая жена не хочет их пускать. На ужин она дает им только ржаной хлеб и стелет постель из колочей соломы, а вместо подушки кладет камень. На следующий день утром, когда святые ушли, женщина поднимает солому с пола, из соломы выползает змея и кусает ее ребенка. Отец бежит за святыми и просит их помочь. Они отвечают, что помочь ребенку могут именно эти солома и камень, на которых они спали.

В тексте имеются элементы из других заговоров: формула «земля землю поцеловала/целует» и непонятные слова «крач, крач» из другой формулы.

2. Средневековые европейские заговоры необходимо рассматривать в контексте античных, византийских и раннесредневековых заговорных традиций, функционировавших на греческом и латыни. И сейчас еще считается, что магический текст действителен, если его древность не подлежит сомнению. Чем текст древнее, тем он действеннее, поскольку такой заговор как бы связан со временами первотворения и создания мира. При этом функционирование магических текстов отнюдь не подразумевает, что они должны быть понятны тем, кто их использует.

Известно, что в средние века параллельно существовали две заговорные традиции: одна, основанная на письменном наследии, другая — на устном, фольклорном. Об устной традиции средневековья известно совсем немного, поскольку начало фиксации устной традиции пришлось на то время, когда она уже испытала на себе значительное влияние письменной. Это влияние было различным и колебалось в диапазоне от прямого заимствования целых сюжетов, магических формул и формульных выражений до создания собственных сюжетов с христианской тематикой, аналогичных письменной традиции.

Благодаря средневековым письменным источникам оказывается возможным установить степень архаичности некоторых заговоров, записанных в XIX и XX вв. Так, широко распространенный сюжет, основанный на диалоге, который ведет при встрече святой или

Бог (Иисус) с персонификацией болезни, на славянском материале можно проследить на протяжении последнего тысячелетия. А с учетом греческих и латинских источников этот сюжет можно удревить еще больше. Между тем, если принять во внимание аккадские источники (времени Ново-Вавилонского царства), то станет возможным связать этот сюжет со второй половиной I тыс. до н. э. В аккадском заклинании от зубной боли демонический червь просит у Бога, чтобы тот сказал, чем он должен питаться. Бог указывает ему на «спелые фиги и сок абрикоса». Червь же отвечает: «Среди зубов дозволю поселиться, / Сделай челюсть моим жилищем, / Кровь из зуба сосать буду. / Буду глотать корни зуба», на что Бог запрещает червю делать это (Лирическая поэзия Древнего Востока. Москва, 1984. С. 71). Похожий диалог ведет демонический червь «нежит» с Иисусом или святыми в средневековых славянских заклинаниях от зубной боли (см.: [Раденковић 2007] ), представляющих собой переводы соответствующих византийских заклинаний.

3. Очевидны различия в том, какое влияние оказала письменная средневековая магическая практика на устную традицию европейских народов. В странах *Slavia Latina*, где некоторых женщин осуждали за то, что они были ведьмами (т. е. исполняли некоторые магические обряды), знахарская практика полна христианских атрибутов, а подлинно фольклорные формы самих заговоров потеснены народной христианской молитвой.

Различно влияние письменных магических традиций в православных землях. В России во времена позднего средневековья и позже рукописная традиция была распространена значительно шире, чем в Сербии и Болгарии, находившихся долгое время под турецким владычеством. В XVIII—XIX вв. заговоры передавались через заветные «тетрадки», что приводило к закреплению в традиции одних стереотипных формул и забвению других. Сербская и болгарская традиции вплоть до нынешнего времени были и остаются поч-

ти исключительно устными. Их консервативность поддерживается верой в высокую сохранность, неизменность магической речи и убеждением в том, что только очень узкий круг людей может перенять знахарское знание. Кроме того, в русских заговорах заметно влияние балтийских традиций, а в сербских и болгарских — балканских (например, изгнание болезни «в пугу гору»).

*Перевод Т. А. Агапкиной*

ДЖ. РОПЕР

(Университет Лидса,  
Англия)

1. Лучшей классификацией нарративных заговоров была бы, я полагаю, такая, в которой заговоры были бы сгруппированы по структуре их *historiolas* (то есть включенному в них краткому нарративу), подобно системе Аарне—Томпсона—Утера для классификации нарративов. Другие заговоры, без такого нарративного элемента, могут быть лучше классифицированы в соответствии со структурным анализом, таким как тот, который имеется в работах К. Леви-Строса или Т. Себеока (например, исследование Т. Себеока о заговорах черемисов в его книге «Structure and Texture». The Hague, 1974).

2. На этот вопрос можно ответить только по отдельности для каждого конкретного случая. Тип заговоров «Tres Virgines» («Три девицы») можно рассмотреть таким образом, поскольку у нас есть свидетельство, которое позволяет доказать, что заговоры этого типа были известны в четвертом столетии Марцеллусу из Бордо: «Tres virgines in medio mari...» («Три девицы посередине моря...») и т. д. Однако многие другие типы заговоров, вероятно, являются куда более поздними. Сходным образом обстоит дело с вопросом о действиях, которые сопровождают заговор. Здесь проблема является еще более трудной, так как специфические действия, совершаемые при произнесении относительно позднего заговора в магическом контексте, могут иметь значительно более древний характер.

Однако восстановить происхождение таких действий, сопровождающих заговоры, намного проблематичней, чем восстановить происхождение текстов заговоров — хотя и последнее тоже не всегда легко.

3. Мне не хватает знаний, чтобы дать полный ответ на этот вопрос, но если мы проведем небольшое сравнение английских и русских корпусов заговоров, станет ясно, что есть ряд явных различий. Упомянем только некоторые из них: корпус установленных русских заговоров намного больше, сами заговоры намного длиннее, в них фигурирует больший набор персонажей, ими продолжают пользоваться и сегодня. Однако, взгляд на русский и английский материал с других континентов (например, из Индии или Африки) позволил бы сфокусироваться на сходствах, на существовании некоторых общих типов, например «Flum Jordan» («Река Иордан», заговор от кровотечения, отражающий апокрифическое предание о том, что река Иордан остановила свое течение, когда в нее погрузился Христос), всепроникающее влияние народного христианства, роль нечетных пороговых чисел (3, 5, 9 и др.) и т. д. Без сомнения, все факторы, упомянутые в вопросе, играют здесь свою роль, а кроме того, широко вовлечены могут быть также факторы экономические, социально-исторические и даже факторы здравоохранения.

*Пер. с англ. К. А. Топоркова*

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

(Институт археологии РАН,  
Москва)

1. Идею создания международного указателя заговоров нельзя не приветствовать — материал чрезвычайно обилен, и для того чтобы оперировать большими его массивами, необходим соответствующий инструментарий.

Представляется, что предпочтительной является работа с подборкой магических текстов, взятых в самом широком плане, а не только с заговорами в узком значении слова. Думается, что

в одном ряду с классическими заговорами должны рассматриваться также всевозможные заклинания и заклички (в том числе, имеющие песенную форму), краткие формулы типа «чур меня», магические тексты на амулетах и т. п. Поскольку наиболее ранние магические формулы представлены письменными текстами и во многих традициях крайне немногочисленны, полагаю важным включение в рассмотрение ряда литературных текстов, не являющихся магическими, но примыкающих по форме или содержанию к магической традиции. Это, например, перечень заклинаний, известных Одину, в «Речах Высокого»; идилия П Феокрита, включающая любовные заклинания и описание сопутствующих обрядов; «песня у запертой двери» из комедии Плавта «Куркулион», по форме представляющая собой заклинание, адресованное замкам.

Классификация магических текстов должна основываться как на их назначении, так и на содержащихся в них мотивах. При этом необходимо иметь в виду, что встречаются заговоры «многоцелевого» или более или менее универсального, и, наоборот, конкретного назначения. В ряде случаев заговоры в рукописных текстах имеют заголовки, в которых указывается иное назначение заговора, чем в самом его тексте. Вероятно, что в таком случае первичен магический текст, а не заголовок, хотя и случаи «перепрофилирования» заговоров должны как-то учитываться в указателе. Указатель мотивов, безусловно, не должен приобретать слишком дробный характер и в то же время полно отражать многообразие материала. Преодолеть данное затруднение можно за счет создания некой иерархии мотивов. Очевидные затруднения представляет вопрос о разграничении заговоров и молитв и то, как он будет решаться при создании указателя.

Не совсем понятно, почему предложенный вопрос касается только европейской традиции, тогда как речь идет о создании международного указателя. Думается, что даже для европейской традиции нельзя ограничиться параллелями из античных и ближневосточных

материалов; необходимо также обращение к азиатским индоевропейским материалам (которые традиционно достаточно широко используются для сопоставления с европейскими материалами). По отношению к восточнославянской магической традиции с ее во многом византийскими корнями необходимо широкое привлечение сравнительных материалов, связанных с восточно-христианской традицией, в том числе армянской и грузинской, сирийской, коптской, эфиопской и др.

2. Представляется, что средневековая латинская и греческая магическая традиция в очень значительной мере прямо восходит к наследию поздней античности. Магические тексты на новых европейских языках также связаны с ним, во-первых, в той мере, в какой они восходят к греческим или латинским источникам (в случае с южнославянской и восточнославянской традицией влияние византийских источников было очень сильным), и отчасти с индоевропейским или ближневосточным наследием.

3. Различие между магической традицией Восточной и Западной Европы выявлены далеко не в полной мере и не могут предопределить каких-то существенных особенностей планируемого указателя. Наоборот, они могут быть выявлены в результате статистической обработки значительных материалов на основе созданной систематизации. Поскольку речь идет о подготовке международного указателя, не могу не выразить удивления в связи с использованием понятия Восточная Европа. Многие западные исследователи ассоциируют этот термин с территорией стран бывшего соцлагеря (некоторые из них, по нашим понятиям, — часть Средней Европы); то, что европейская часть бывшего СССР может рассматриваться как Восточная Европа, очевидно не для всех западных специалистов.

Различие между магической традицией Восточной и Западной Европы связаны, прежде всего, с тем, что сколько-нибудь развернутая традиция магических текстов фиксируется у вос-

точных славян лишь с первой трети XVII в. — значительно позже, чем у древних греков и римлян, а также у скандинавов, англосаксов, немцев и ряда других народов Европы. Еще одна особенность — отсутствие прямого знакомства с античной магической традицией, а также сравнительно слабое знакомство с еврейскими каббалистическими и арабскими магическими текстами, в большом количестве переводившимися в средние века на латинский язык. Древнерусские книжники испытали сравнительно незначительное воздействие западноевропейской «ученой магии», связанной с астрологией, алхимией и каббалой.

Весьма интересное отличие западноевропейской и русской охоты на ведьм — решительное преобладание женщин среди осужденных на Западе и мужчин — в России. Все же, учитывая многочисленные сообщения древнерусских источников о преимущественном распространении колдовства среди женщин, следует полагать, что преобладание мужчин-колдунов в следственных делах нужно связывать с тем, что в российских архивах сохранились сведения лишь о наиболее важных религиозных преступлениях, с обращением к колдунам представителей высшей знати и духовенства, причем в таком контексте роль мужчин-колдунов могла представляться более весомой, тогда как рядовые «маловажные» дела разбирались судами низшей инстанции и до нас не дошли.

Конфессиональная принадлежность носителей суеверных представлений, естественно, играла огромную роль. Применительно к России она должна быть исследована с особой тщательностью. Известно, что старообрядцы (в целом) строже относились к пережиткам суеверий, чем руководство Русской православной церкви (хотя старообрядцы, в отличие от последней, не имели возможностей полицейского или цензурного надзора). Это положение, однако, требует конкретизации по отношению к отдельным соглашениям и территориальным группам старообрядцев. Известно, что руководство духоборцев было лояльнее по отношению к лечебным

заговорам, чем Русская православная церковь. Желательно, конечно, составить более ясную картину. В частности, все рукописи заговоров и магических текстов желательно разделить на православные и старообрядческие (в том числе того или иного согласия). Специального рассмотрения заслуживают суеверные тексты, связанные с той или иной сектой. Часть суеверных текстов могла из коммерческих соображений переписываться писцами, ориентированными одновременно как на старообрядцев, так и на православных.

Т. А. АГАПКИНА

(Институт славяноведения РАН,  
*Москва*),

А. Л. ТОПОРКОВ

(Институт мировой литературы  
им. А. М. Горького РАН,  
*Москва*)

1. На наш взгляд, группировка и систематизация заговоров могут быть произведены оптимальным образом, если в рамках всего заговорного континуума той или иной этноязыковой традиции выделить последовательно тематические группы заговоров, внутри них — функциональные группы и внутри последних — определенные сюжетные типы. Подробно этот подход обоснован в нашем проекте ([Агапкина, Топорков 2007]), и мы позволим себе далее не излагать его повторно, а дать некоторые разъяснения по тем пунктам, которые вызвали наибольшие вопросы у участников дискуссии.

Задумываясь о составлении восточнославянского указателя и изучая отдельные типы заговоров в европейском масштабе, мы считаем важным с самого начала выработать такую схему описания, которая позволила бы в будущем переходить от региональных указателей к указателю международному, а от последнего — к другим региональным указателям. Для этого необходима общая схема («анкета»), которая могла бы работать на разном этноязыковом материале. В то же время эта схема должна быть заранее приспособлена для того,

чтобы включать достаточный объем информации о каждом конкретном типе заговоров и каждой этнокультурной традиции заговоров, охваченных указателем.

Конечной задачей, которой должны служить указатели заговоров (и региональный, и международный), является установление географического распространения и истории функционирования различных типов заговоров и их основных версий. Отметим, что информация о первых и наиболее поздних записях заговоров, о географии их распространения, форме функционирования (в устных или рукописных традициях) важна для нас не просто как совокупность сведений об отдельных текстах, но как необходимое условие для последующего восстановления истории заговорной традиции в качестве составной части культурной истории восточных славян и других народов Европы. Предполагается, что эти сведения включаются в указатели в систематизированном виде, то есть написанию каждой из статей указателя предшествует большая аналитическая работа.

На данном этапе исследования мы считаем излишним формулировать однозначно, какие именно элементы текста являются основным объектом описания в указателе (сюжетный тип, сюжетная ситуация, мотив, формула и др.), хотя и предвидим, что именно эта наша позиция вызовет немало возражений. Рискнем, тем не менее, увеличить число скептиков, заявив, что, учитывая гетерогенный характер заговоров и их разнообразие, мы полагаем, что в разных случаях нам придется брать за основу в указателе единицы разных уровней. Для нас принципиально важно только то, чтобы все значимые содержательные единицы могли быть вычленены пользователем в этом указателе и не потерялись в общем объеме материала. Описание отдельных сюжетных типов должно быть выстроено таким образом, чтобы в указателе можно было найти не только сам сюжетный тип, но и такие формулы и мотивы, которые входят в состав этого сюжетного типа. Если бы мы попытались применить к заговорам жесткое членение (например, сгруппировать их по «сюжетным ситуациям» и

далее по «основному действию»<sup>1</sup>), то в результате произошла бы нивелировка того фольклорного, литературного и культурно-исторического содержания, которое представляет значительный интерес не только для фольклористов, но и для историков религиозной и художественной литературы.

Между тем у многих из этих содержательных элементов заговоров (формул, сюжетов, мотивов) есть собственная история, насчитывающая подчас до трех с половиной тысяч лет. Они фиксируются не только в устной, но и в литературной традиции. Сошлемся, например, на предпринятое нами исследование формулы «как горит/плавится воск/свеча, так пусть горит/плавится (от страсти, от болезни) NN/сердце NN» [Топорков 2008]. Представим себе, что содержание этой формулы будет сведено к «основному действию» — *гореть*. Много ли историко-культурной информации можно почерпнуть из такого описания?

Заговоры по своему происхождению имеют гетерогенный характер. С одной стороны, многие из них восходят к неканоническим молитвам, с другой — заговоры связаны с магическими формулами, сопровождающими ритуальные действия и восходящими к дохристианским верованиям. Заговоры функционируют в устных традициях, сближаясь с фольклорными произведениями других жанров, и включаются в рукописные сборники, соприкасаясь с разного рода апокрифами, гадательными сочинениями и лечебными рецептами. Среди заговоров есть и такие тексты, которые имеют длительную историю, насчитывающую несколько тысячелетий, и такие, которые возникают *ad hoc*.

Задача указателя заключается не в том, чтобы «перемолоть» все эти тексты, сведя их к какому-нибудь «основному действию» или приведя их в соответствие с каким-нибудь другим тотальным принципом, а в том, чтобы дать пользователю инструмент для пос-

<sup>1</sup> Речь идет о разработанных и реализованных В. Л. Кляусом принципах систематизации сюжетики заговорных текстов восточных и южных славян [Кляус 1997, 2000] — прим. ред.

тижения культурной истории заговоров как части устного и рукописного наследия восточных славян и других народов Европы.

2. Средневековые славяно-балканские традиции заговоров и апокрифических молитв являются прямым продолжением магических традиций Византии и поздней античности. Аналогичным образом многие средневековые магические тексты Германии, Англии и ряда других стран Западной и Центральной Европы записаны на латыни и также восходят к поздней античности.

Среди европейских заговоров позднего средневековья и раннего Нового времени имеется пласт текстов, которые имеют прямые аналоги в магических традициях древнего Ближнего Востока, северной Африки и восточного Средиземноморья. Так, например, изучение любовных заговоров древности (в частности, греческих заговоров из египетских магических папирусов II—V вв. н. э.) показывает, что они близки по своему содержанию и формульному составу любовным заговорам таких народов, как испанцы, итальянцы, румыны, венгры, сербы, украинцы, русские. Для греческих и восточнославянских любовных заговоров являются общими представления о том, что любовную страсть можно насладить на человека извне как некую враждебную силу, об огненной природе любовного чувства (пламя охватывает сердце, печень и др. внутренние органы жертвы), о любовной болезни, ее причинах и «симптомах» (отказ от еды и питья, бессонница, жар и лихорадка, социальная изоляция, разрыв с родителями и другими родственниками, тоска, безумие или одержимость злыми духами, поражение стрелой или другим острым орудием в сердце).

В историко-литературном отношении большой интерес представляет «Молитва от трясовицы», которая восходит к древним ближневосточным текстам, призванным уберечь ребенка и роженицу от женского демона. Заговоры от лихорадки «Сисиниева типа» известны в России с XIV в., то есть уже на протяжении более 600 лет. Наиболее ранний текст заговора имеется в

берестяной грамоте № 930, найденной в 2002 г. во время археологических раскопок в Новгороде в слове, датированном рубежом XIV—XV вв. С конца XIV в. пересказ Сисиниевой молитвы включается в некоторые списки статьи о ложных книгах, где сочинение молитвы приписывается болгарскому попу Иеремии (по-видимому, безосновательно). В XVII в. встречается уже несколько фиксаций полного текста молитвы в сборниках севернорусского и южнорусского происхождения.

Восточнославянские тексты Сисиниевой молитвы восходят к южнославянским и византийским (греческим) прототипам. С греческого языка эти молитвы, по-видимому, были переведены на славянский, хотя известные на данный момент славянские тексты хронологически предшествуют греческим. Различные версии сюжета Сисиниевой молитвы широко известны в восточном Средиземноморье и на прилегающих территориях. Помимо греческих и славянских зафиксированы также коптские, эфиопские, армянские, румынские, сирийские, арабские и еврейские версии сюжета. Восточнославянские заговоры от лихорадки с сюжетом о встрече Сисиния с 12-ю трясовицами занимают в этой традиции особое место, поскольку русские заговоры не просто усвоили древний сюжет, но и существенно переработали его.

3. Мы уже отмечали, что и на востоке Европы, и на ее западе магические традиции восходили к наследию поздней античности, в мире православного христианства — через византийское посредничество, а в мире католицизма — через посредничество околоцерковной литературы на латинском языке.

Однако последующая судьба заговорно-магических традиций складывалась по-разному в мире восточного и западного христианства. Это обуславливалось целым рядом причин религиозного, культурно-исторического и историко-литературного характера. Так, например, на востоке Европы была неизвестна традиция ученой магии, не было «охоты на ведьм», православное духовенство в целом снисходительнее относилось к суевериям паствы, чем

клирики западного мира. Деревенские знахари и знахарки могли лечить своих пациентов травами, заговорами и другими доморошенными средствами, не опасаясь за свою жизнь.

Ранние фиксации магических текстов на западе Европы восходят к периоду Средневековья. В России известны отдельные записи заговоров в берестяных грамотах и в приписках к старинным рукописям, но все же массовая фиксация магических текстов началась значительно позднее — только во второй четверти XVII в. С другой стороны, живое бытование заговоров на Западе в основном прекратилось уже несколько веков назад, в то время как у восточных славян традиция магического слова сохранилась до нашего времени.

Для судеб заговорной традиции в разных этнокультурных традициях оказалось важным то, в какой степени традиции рукописных неканонических молитв пришли во взаимодействие с устными фольклорными традициями. Так, например, заговоры прибалтийских и карело-финских народов, по-видимому, относительно мало подверглись воздействию книжности и христианства. У южных славян книжные апокрифические молитвы и фольклорные заговоры существовали параллельно и слабо взаимодействовали друг с другом. По-другому складывалась судьба заговорной традиции в России (особенно на Русском Севере): фольклорные заговоры пришли здесь в тесное взаимодействие с рукописными заговорами и молитвами. В России, как и в других странах Европы, рукописные сборники заговоров часто составляли и хранили сельские и городские священники, которые были сведущи в богослужебной литературе и в то же время близки фольклорной культуре.

В заговорных традициях Белоруссии, северной Украины, южной и западной России известны заговоры, связанные по происхождению с центральноевропейскими традициями. Наибольшее число таких соответствий приходится на заговоры от кровотечения, что и понятно, учитывая, какое значительное место занимают эти заговоры в Европе. Обратим еще раз внимание на заклинательную формулу «Стань, кровь, в ране,

как вода (Иисус Христос) в Иордане», которая встречается, прежде всего, в белорусских, украинских и изредка в западно- и южнорусских заговорах. В отличие от европейских заговоров, основанных на легенде о том, что воды Иордана остановились, когда в них крестился Иисус Христос, у восточных славян заговор состоит лишь из сравнительной заклинательной формулы, в то время как предшествующая ей нарративная часть (о том, что Иоанн и Христос шли через Иордан и Христос приказал Иордану остановиться) в них отсутствует.

Имеющиеся восточнославянско-западнославянские параллели объединяет одно: каждый из восточнославянских сюжетов, помимо западославянских, имеет также и более широкие европейские соответствия (прежде всего, германские). Это позволяет сделать более общий вывод о том, что западославянские заговоры явились своего рода проводником-посредником, что в свою очередь указывает на вектор влияния — с запада на восток.

### Литература

Агапкина, Топорков 2007 — Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Указатели заговоров: проблемы и перспективы // Традиционная культура. М., 2007. № 2. С. 59—73.

Кляус 1997 — Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.

Кляус 2000 — Кляус В. Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. М., 2000.

Кляус 2008 — Кляус В. Л. Теоретические проблемы систематизации заговорно-заклинательного фольклора // Фольклористика в контексте наук о традиционной духовной культуре: Вопросы теории и методологии. М., 2008. С. 76—86.

Раденковић 1982 — Раденковић Љ. Народне басме и бајања. Ниш; Приштина; Крагујевац, 1982.

Раденковић 2007 — Раденковић Љ. За дух нежит у словенским писаним споменицима и народној култури // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2007. С. 697—714.

Топорков 2008 — Топорков А. Л. Любовные заговоры славянских народов в компаративном отношении // Письменность, литература и фольклор славянских народов: XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10—16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 484—502.